

Мен де Биран и Наполеон: фрагмент пути философа к «новой антропологии»

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: krotov@philos.msu.ru

Аннотация. В статье анализируется один из эпизодов творческого пути родоначальника французского спиритуализма XIX в., связанный с итоговой трансформацией его философского учения. Несомненно, переходу от своеобразной формы волюнтаризма к религиозной антропологии способствовали некоторые проблемы теоретического характера, не находившие убедительного решения в рамках выработанной Бираном модели познавательного процесса. Но наряду с ними к числу причин, определивших формирование поздней философии Бирана, относятся размышления депутата от Дордони о значении наполеоновской политики для Франции и Европы. Выводы, к которым приходит философ, побуждают его принять вполне определенную интерпретацию, касающуюся смысла современных ему политических событий, а также внести поправки в общие принципы отстаиваемого им мировосприятия. Индивидуальное волевое усилие помещается в поле религиозной проблематики. Противоречия между двумя сферами, внешней и внутренней жизнью находят свое объяснение в учении о трех уровнях человеческого бытия.

Ключевые слова: Мен де Биран, спиритуализм, французская философия, философская антропология, метафизика

Для цитирования: Кротов А.А. Мен де Биран и Наполеон: фрагмент пути философа к «новой антропологии» // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 25–41.

Идейная эволюция Мен де Бирана сложна и драматична. Философ, в своих построениях отдававший приоритет внутреннему миру, был крайне чувствителен к различным изменениям социальной среды, к многообразным столкновениям, конфликтам своего времени. Три этапа его творческого пути, традиционно выделяемые исследователями, насыщены сомнениями, размышлениями над новыми фактами, нестандартными ходами мысли. Конечно, последовательное изменение его философской позиции было определено группой факторов: здесь и теоретические затруднения, нерешенные проблемы, требовавшие пересмотра, казалось бы, уже сложившейся системы, но также и воздействие внешних обстоятельств, политических событий, в которые оказывался вовлечен философ и размышления над которыми иногда приводили его к развитию, корректировке и даже отказу от ряда прежних идей.

Одним из значимых элементов, связанных с эволюцией бирановского учения, является смена приоритетов в оценке философом личности императора и наполеоновской политики как таковой. Разумеется, в этом случае речь идет лишь об одном из факторов, по сути о фрагменте (хотя исключительно важном) творческого пути философа к его поздней концепции «новой антропологии». Составить общее представление об этом фрагменте позволяют не только письма и «Дневник» Бирана, но и относительно недавно (на рубеже XX–XXI вв.) опубликованные документы, связанные с его политической деятельностью.

Дневниковые записи Биран рассматривал как важные, необходимые материалы, предназначенные к использованию при построении науки о человеке. По его мнению, если бы люди тщательно фиксировали свои различные чувства, мысли, настроения, размышляли об этапах своей жизни, вдумчиво сравнивали бы их, тогда наука обогатилась бы бесценными наблюдениями, способными прояснить очень многое относительно нашей природы. Поэтому собственному дневнику Биран придавал

философское значение: отмечая душевные состояния, всякого рода восприятия, приходящие в голову мысли, он стремился через индивидуальное подойти к универсальному. Бيران не только старался скрупулезно описывать переживания, волнения, размышления, но и отмечал общее свое состояние в различные периоды времени. «Наверняка есть влияние сезона сильной летней жары на мои органические, интеллектуальные и моральные способности. Я всегда нахожу себя самого, в этих трех отношениях, ниже моей обычной силы; во время трех или четырех месяцев лета большое нервное непостоянство, абсолютная неспособность к вниманию, полный упадок и крайняя легкость поддаваться всем внешним и внутренним воздействиям совпадают со слабостью желудка и многими другими недомоганиями»¹. При этом дневниковые записи для него – часть пути к истине, которую отнюдь не следует подавать в виде разрозненных, фрагментарных положений, она вполне, на его взгляд, может и должна находить свое выражение в классической форме метафизических трактатов.

Бيران глубоко переживал противоположность внутреннего и внешнего начал человеческой жизни, стремился преодолеть разрыв между ними. Его философская эволюция, так или иначе, является отражением усилий, предпринятых им в этом направлении. Отсюда – различные формы, которые принимала его система, вплоть до последней ее версии – «новой антропологии».

Бывший гвардеец короля в эпоху революционного террора удаляется от дел, занимается чтением философских текстов, интересуется математикой. После термидорианского переворота он обращается к политической деятельности. Бيران входит в состав административного совета департамента Дордонь, затем, после прихода к власти Наполеона, становится супрефектом Бержерака. Философ имел возможность встречать императора на официальных приемах, но к его близкому окружению не принадлежал никогда. Поначалу он видел в новом правителе выдающуюся фигуру, способную привести страну к процветанию, а Европу – к длительному миру. Характерно, что в 1807 г.,

¹ *Maine de Biran M.F.P.* Journal / Publ. par H. Gouhier. T. I. Neuchâtel: La Baconnière, 1954. P. 13.

на празднике, посвященном заключению Тильзитского мира, Бيران говорил о «великом и бессмертном императоре», отдавая предпочтение гражданской, организующей народ стороне деятельности государя по сравнению с военной. Конечно, Наполеон внушает восхищение тем, что с легкостью «ниспровергает» врагов и сметает со своего пути любые армии, но сегодня «столько стихийных знаков почитания, исходящих из глубины сердец, обратятся к доброму гению, который умиротворяет и утешает», притом в большей степени, чем к «гению внушительному и ужасному»². Поражающий воображение герой велик силой, но еще более – милосердием. Бيران рассчитывает на близкое окончание наполеоновских войн, сопрягая свои надежды с идеей «покоя цивилизованного мира». Сходные мысли он выражал и позднее. Например, когда от имени делегации своего департамента вручил написанный им приветственный адрес императору, в котором утверждалось, что Наполеон «для нас больше не величественный и ужасный завоеватель», а «счастливый гений, который умиротворяет, утешает, исправляет все бедствия, и сочетает все разъединенные начала»³. Конечно, Бيران приписывал наполеоновской политике те цели, которые ему самому казались наиболее разумны и близки. Иллюзия, разделяемая многими его современниками. По справедливому замечанию Анри Гуйе, в этот период Бيران «видит в императоре умиротворителя и созидателя, в котором нуждается Франция»⁴. Как бы то ни было, череда нескончаемых войн породила в сознании философа чувство нарастающего разочарования. Оно нашло и свое внешнее выражение – когда трон императора пошатнулся – в выступлении знаменитой «комиссии пяти» законодательного корпуса в декабре 1813 г. Комиссия, в состав которой входил Бيران (примечательно, что этот факт неоднократно упоминается в корреспонденции императора⁵), объявила

² *Maine de Biran M.F.P. Oeuvres*. Т. XII/1. Paris: Vrin, 1999. P. 209.

³ *Ibid.* P. 253–254.

⁴ *Gouhier H. Maine de Biran // Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001. P. 981.

⁵ *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale*. Т. XIV. Paris: Fayard, 2017. P. 1186, 1192.

о необходимости прекратить «варварскую войну», высказалась за то, что мирные предложения антифранцузской коалиции, согласно которым империя сокращалась до естественных границ, надлежало принять без колебаний, в момент их поступления. Сразу вслед за обнародованием мнения комиссии законодательного корпуса его заседания по распоряжению Наполеона были прерваны.

В феврале 1814 г. Бيران записывает в «Дневнике» мысли о природе власти государя. С его точки зрения, правитель нуждается более всего в любви подданных. Но вместе с тем принцип народного суверенитета губителен для любого государственного устройства. Властитель, заслуженно пользующийся поддержкой народа, будучи «человеком сердца», не должен потерять ее. Только если он откажется от неукоснительного следования гражданским законам и пожелает подчинить все собственному произволу, тогда его правление окажется в опасности. Установленный Наполеоном режим Бيران именуется тиранией. Философ осуждает императора за, как он считает, проявленное тем высокомерное, пренебрежительное отношение к гражданам страны. «Бонапарт, обращаясь к членам законодательного корпуса, собранным в Тюильри 1 января 1814, на следующий день после произвольной приостановки его заседаний на неопределенное время, произнес среди прочих абсурдных и возмутительных речей: “народ нуждается во мне и я не нуждаюсь в нем”, утверждение самое нелепое, которое он мог высказать в критических обстоятельствах, в которых находился, после того как истребил за 18 месяцев самую прекрасную армию»⁶. Не имея практически никаких возможностей для продолжения борьбы, Бонапарт столкнулся с превосходящими силами объединенной Европы, далеко продвинувшимися на территорию империи. В армии не хватает ни людей, ни дисциплины, денег нет, люди разочарованы и недовольны. В этих условиях тиран изрекает бессмысленные, безрассудные суждения. Конечно, народ нуждается в государе, который несет ему счастье. Но правитель, считающий себя способным обойтись без народа, подобен душе, которая попыталась бы действовать без

⁶ *Maine de Biran M.F.P.* Journal. T. I. P. 5.

помощи тела. По мысли Бирана, даже Бог нуждается в мире для того, чтобы проявлять свое всемогущество, мудрость, доброту; соответственно, тезис о государе, безразличном к народу, явно противоразумен. Более десятка лет узурпатор использовал все ресурсы народа для завоеваний, нужных только его самолюбию. Он поработил французов, опираясь на их собственные силы и, кроме того, сделал само их имя ненавистным всей Европе. Очевидно, без презираемого им народа он не добился бы ровно ничего. Выполнить свое обещание, изгнать коалиционные войска за пределы Франции, без опоры на народ император не в состоянии. Биран оценивал личность Наполеона сквозь призму идеи божественного наказания, обрушившегося, по его мнению, на Францию. «Небо в своем гневе дало нам человека, который соединил низкий, свирепый и кровожадный характер Робеспьера с завоевательным исступлением, дерзостью и варварской жестокостью какого-нибудь Чингисхана или Тамерлана»⁷. Чтобы избавиться от подобного тирана, потребовалось бы сочетание нескгибаемой энергии и исключительно благоприятных обстоятельств. Биран не скрывает своих сомнений относительно сложившейся ситуации. Нужной энергии, кажется, лишены как большинство народа, так и его политическая элита. Французы слишком легкомысленны и угнетены; они страдают от тирании, но не вступают в борьбу с деспотом, предпочитают спокойствие неопределенному исходу противостояния. Многие не хотят признавать, что главный источник всех их бед – узурпатор, они боятся казаков, грабежей, поджогов. Они не осознают, сколько зла им придется пережить, если тиран удержится на троне. Люди придают значение «акцидентальным несчастьям», но не видят главного политического зла. Именно тиран – «самый опасный враг» страны, а французы объединяются вокруг него для отпора европейским армиям. Иностранцы, согласно Бирану, враги всего лишь временные, в то время как узурпатор – постоянный. С горечью философ сравнивает население страны со стадом баранов, которое поддерживает тигра в его битве со львом, не догадываясь о дальнейшей своей участи.

⁷ *Maine de Biran M.F.P.* Journal. T. 1. P. 6.

В апреле 1814 г. Бيران отмечает отсутствие у французов объединяющей идеи, которой они были бы готовы следовать. По его наблюдениям, всеми ощущается недовольство тираническим правлением, но далеко не каждый желает подвергать риску достигнутое им положение, соображения личной выгоды часто берут верх над принципами, касающимися общего блага. Наконец, Наполеон отрекается от власти. Философ констатирует: тиран повержен силами антифранцузской коалиции, именно им страна теперь обязана своим освобождением! Бيران говорит о великодушии одержавших верх держав, оказавших, по его мнению, французам неоценимую услугу. Примечательно, что в мае того же года он с недоумением и возмущением фиксирует в «Дневнике» итоги своей беседы с двумя торговцами, которые, не желая замечать всех очевидных для философа преимуществ нового положения страны, были очень огорчены и заранее подсчитывали убытки от торгового соглашения с Англией. Бيران не скрывает раздражения: французы чудом оказались спасены, перешли «от небытия к жизни», а между тем находятся неблагодарные создания, в этих условиях придающие значение только соображениям своей мелкой выгоды. По мысли Бирана, они не понимают, что унижен оказался один лишь корсиканец, узурпатор, использовавший французов как средство, не имевший с ними общих целей. Побеждена не Франция, а тиран, о котором не должно быть сожалений.

Реставрацию Бيران приветствовал с восторгом. Праздничный день в честь короля, по его уверению, был одобрен самой природой. Неожиданное же возвращение к власти Наполеона повергает философа в глубокий шок. «Я провел утро этого дня, спокойно занимаясь в моем кабинете чтением и размышлением над старой рукописью, когда в три часа пополудни узнал о непредвиденном возвращении Бонапарта во Францию»⁸. В апреле 1815 г. он признается Амперу: «Мне было бы трудно передать вам идею обо всех моих духовных и телесных волнениях последнего месяца»⁹. Философ чувствует себя

⁸ *Maine de Biran M.F.P. Journal / Publ. par H. Gouhier. T. III. Neuchâtel: La Baconnière, 1957. P. 78.*

⁹ *Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T. XIII/1. Paris: Vrin, 1993. P. 405.*

выбитым из колеи; его представления о смысле современных ему событий основательно пошатнулись. Он категоричен в своих оценках, обвинениях, бросааемых окружающим. «Преступление, разбой торжествуют. Дело добродетели, чести, справедливости покинуто... Нынешнее поколение, родившееся в недрах революционных бурь, развращенное и глубоко безнравственное, не годится для хорошего правления»¹⁰.

Вторую Реставрацию он встречает с нескрываемым облегчением. В его восприятии социального бытия все становится на свои места. «Сто дней» – лишь случайный эпизод, не нарушающий общей логики событий. Франция наконец перешла в подчинение «законной отеческой власти самого мудрого и лучшего из королей». Таков предначертанный свыше порядок событий. Без божественной воли происходящее необъяснимо. Несомненно, «законы Провидения непостижимы! Оно ранит и исцеляет, оно повергает и возвышает, оно удручает и утешает». В октябре 1815 г. он заявляет в палате депутатов, что «революции – болезни обществ»¹¹.

Философ нередко жаловался на повседневные заботы, погружающие его во «внешнюю жизнь», на потерянные утренние часы из-за маловажной корреспонденции, которой он вынужден уделять значительное время. Ему порой кажется, что он был предназначен к чему-то большему, но не смог правильно распорядиться своими силами. Периодически он выступает с изложением своих идей в небольшом философском кругу, в который входят Ампер, Руайе-Коллар, Гизо, Дежерандо. Но и в таких случаях Бيران иной раз сожалеет о том, что не сумел с точностью донести свою позицию до собравшихся незаурядных слушателей.

В июле 1817 г. он отмечает привычку светских людей принимать внутреннюю жизнь за пустую и безумную, отвергать ее ценность. Подобна установка ведет к отрицанию метафизики, насмешкам над ней, при полном непонимании ее истинного содержания. Философ говорил о том, что чувствует себя

¹⁰ *Maine de Biran M.F.P. Journal.* Т. I. P. 48–49.

¹¹ *Maine de Biran M.F.P. Oeuvres.* Т. XII/2. Paris: Vrin, 1999. P. 373–374, 396–397.

несчастливым, оказываясь вынужденным говорить о метафизике с теми, кто не обладает способностью погружения в ее смыслы.

«Культура ума представляется мне напрасной работой, от которой я больше ничего не жду. Нужно искать точку опоры в ином мире»¹². Биран отвергает стоическую мораль, несмотря на ее возвышенный характер; по его мнению, одного разума недостаточно для человеческого действия в его полноте. Стоики и эпикурейцы, на его взгляд, защищали две крайности. Одни сводили человека к чувственности, другие к разуму. Но человека неверно рассматривать только как тело или исключительно как ум. Односторонний подход всегда как бы «уничтожает» часть нашей природы, дает искаженный ее образ.

В сентябре 1818 г. он записывает: «Религия в конце жизни представляется как великий, единственный источник утешения и моральной силы»¹³. Он подчеркивает, что возвышает душу и умиротворяет ее особое религиозное чувство, не сводимое к каким-либо идеям. Он говорит о том, что молит Бога даровать ему душевный мир, обрести который невозможно, ориентируясь на внешние события.

Помимо «Дневника» изменение мировосприятия позднего Бирана нашло отражение также в большом, программном по своему замыслу, но оставшемся незавершенным произведении «Новые опыты антропологии». Философ заявляет, что намерен рассматривать человека в его целостности, не ограничиваясь какой-то одной стороной его природы. Для этого надлежит с точностью определить все связи, соединяющие «тождественный, постоянный субъект, который называет себя я, и ощущения, идеи, функции или операции всякого рода, органические или интеллектуальные, которые изменяются, проходят и следуют друг за другом с необычайным разнообразием»¹⁴. При этом, если отбросить, оставить в стороне истины религии, касающиеся души, подлинную науку о ней создать

¹² *Maine de Biran M.F.P.* Journal intime / Publ. par A. de la Valette-Monbrun. T. II. Paris: Plon, 1931. P. 77.

¹³ *Ibid.* P. 128.

¹⁴ *Maine de Biran M.F.P.* Oeuvres. T. X/2. Paris: Vrin, 1989. P. 1.

окажется невозможным. Ибо в здешнем мире душа не обладает чувством собственного субстанциального бытия, которое не смешивалось бы с восприятием тела. О назначении души человека просвещает именно религия. Не считаться с нею – значит пытаться основать подлинную науку на абстрактных положениях, ибо истоки души останутся непроясненными.

Антропология, по Бирану, должна исходить из анализа конкретной связи разнородных начал, поскольку каждый из нас – это индивидуальная душа, сопряженная с определенным телом. Он намечает тройное деление антропологии. Философы ошибочно полагали человека двойственным существом, тогда как он соединяет в себе три принципа бытия. Прежде всего, каждый из нас – «физическое органическое существо», воплощение животного начала. Этому уровню соответствуют ощущения, с необходимостью получаемые нами. Второй уровень раскрывается «свободной активностью» человека, с ним связана индивидуальность, сознание. Чувство собственного «я» отлично от всех внешних восприятий, благодаря ему мы осознаем тождество личности в противоположность преходящим, изменчивым ощущениям. Человек не только получает восприятия, но и знает об этом, способен их анализировать. «Свободная активность» позволяет ему воздействовать на источник ощущений, искать либо избегать его, изменять свое состояние. Человек, будучи мыслящим субъектом, вместе с тем подвержен влиянию страстей, характеризующих животное начало в нем. Способен он и возвышаться над страстями, подчинять их разуму. Наконец, третий уровень соответствует «духовной жизни», основы ее превосходно изложены в Священном Писании. Постигание этого уровня «философия считала, вплоть до настоящего времени, необходимым уступить умозрениям мистицизма», хотя оно вполне доступно ей именно благодаря наблюдаемым фактам¹⁵. Тройственное деление антропологии, по мысли философа, подтверждается внутренним опытом. Так или иначе, по его мнению, все модусы человеческого существования оказываются охвачены этой новой, разрабатываемой им, наукой.

¹⁵ *Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T. X/2. P. 25.*

Среди разнообразных исследовательских оценок, высказанных в отношении поздней философии Бирана и его творчества в целом, встречается немало удачных формулировок, подчеркивающих оригинальность различных аспектов его системы. Так, Виктор Кузен утверждал, что ведущим принципом биранизма выступает анализ усилия, заключающего единство «личности, воли, причинности», доведенный до «неотразимой очевидности»¹⁶. Жан Филибер Дамирон акцентировал внимание на том, что, отправляясь от учения сенсуалистической школы, Бيران в конце жизни «приходит к самому чистому спиритуализму»¹⁷. Эрнест Навилль настаивал: для позднего Бирана религия – «личностная потребность, вдохновение, являющееся результатом самого сокровенного опыта»¹⁸.

Феликс Равессон рассматривал Бирана как мыслителя, способствовавшего прояснению природы ума, сумевшего за «пассивностью ощущений» разглядеть активный элемент нашего познания¹⁹. Поль Жане и Габриэль Сеай связывали позднюю философию Бирана с переходом от стоицизма к «мистической и христианской точке зрения»²⁰. Альфред Вебер именовал Бирана «самым глубоким из вождей франко-шотландской школы», усматривая главные особенности его учения в «волюнтаризме и конкретном спиритуализме», противоположном дуализму²¹.

Анри Гуйе, ссылаясь на большой объем рукописного наследия, оставленного философом, высказывался достаточно образно: Мен де Бيران – «автор, о творчестве которого современники

¹⁶ Cousin V. *Fragments philosophiques*. T. IV. Paris: Ladrance, 1847. P. 297.

¹⁷ Damiron P. *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle*. T. 2. Paris: Hachette, 1834. P. 118.

¹⁸ Naville E. *Maine de Biran, sa vie et ses pensées*. Paris: Joel Cherbuliez, 1857. P. 73.

¹⁹ Ravaisson F. *De l'habitude*. La philosophie en France au XIX siècle. Paris: Fayard, 1984. P. 66.

²⁰ Janet P., Séailles G. *Histoire de la philosophie*. Les problèmes et les écoles. Paris: Delagrave, 1921. P. 1064.

²¹ Weber A. *Histoire de la philosophie européenne*. Paris: Fischbacher, 1914. P. 538.

не знали, одаренный душой, о глубине которой догадывались друзья»²².

Эмиль Брейе отмечал ориентацию поздней философии Бирана на мистицизм. В этом плане она выступает своеобразной альтернативой картезианству. «Этот призыв к некоторого рода непосредственной коммуникации личностей ищет опору скорее в моральной жизни, чем в универсальных принципах, в отношении нового типа, превосходящем индивидуальную жизнь, и которое представляет нечто вроде нового первоначального факта»²³. Франсуа Азуви также считает позднего Бирана мистиком, который не отбрасывает свое более раннее учение, а полагает, что оно «должно быть интегрировано в более широкое единство»²⁴.

В.П. Визгин справедливо подчеркивает взаимосвязь претендующего на общезначимость метафизического поиска и лично окрашенных мотивов в творчестве Мен де Бирана: «Разноплановые пласты дневниковых записей французского мыслителя фокусируются в единое смысловое целое фундаментальным экзистенциально-метафизическим вопросом о “точке опоры” в потоке изменений. Этот вопрос, глубоко переживаемый автором “Дневника” не только как теоретическая проблема, но и как личный духовно значимый вопрос, служит стимулом и “пружиной” его философского поиска»²⁵. Исследователь, несомненно, прав в своем утверждении, что «Дневник» Бирана «есть свидетельство не только ищущей работы мысли, имеющей дело с внутренними интеллектуальными проблемами, т.е. с препарированной жизнью, но с нею самой в ее изначальной непосредственности»²⁶.

²² *Gouhier H.* Maine de Biran par lui-même. Paris: Seuil, 1970. P. 11.

²³ *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. Paris: PUF, 2004. P. 1279.

²⁴ *Azouvi F.* Maine de Biran // Encyclopédie philosophique universelle / Sous la dir. d' A. Jacob. V. III. Les oeuvres philosophiques. T. 1. Paris: PUF, 1992. P. 1950.

²⁵ *Визгин В.П.* Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана // История философии. 2017. № 2. С. 44.

²⁶ *Визгин В.П.* Мен де Биран и Габриэль Марсель // *Визгин В.П.* Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. С. 70.

И.И. Блауберг обоснованно отмечает, что Мен де Бيران стремился наметить «третий путь», средний между признанными классическими формами эмпиризма и рационализма Нового времени²⁷. Доминик Жанико утверждал, что хотя Бيران и имел учителями «идеологов» и философов века Просвещения, но он «может рассматриваться как первый подлинный “спиритуалистический позитивист” и был признан в качестве такового Равессоном, так же как Бергсоном»²⁸. Рене Верденаль, размышляя о значении наследия Бирана, настаивает, что «его рефлексия довольно-таки скрытая, это скорее рефлексия созерцателя, чем доктрина главы школы»²⁹.

Среди различных версий, объясняющих эволюцию мировосприятия Бирана, можно встретить тезис о первостепенной важности периода «ста дней» для понимания перехода мыслителя к религиозной антропологии. Суждение, не лишённое оснований, но недостаточно точное. Поскольку, как показывают имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении биографов материалы, не только моментальное потрясение от возвращения к власти «узурпатора», но и довольно продолжительные размышления о роли Наполеона в судьбе Франции, о значении его политики, послужили одной из причин, подтолкнувших Бирана к пересмотру своего мировосприятия. Свершившаяся в итоге смена философских ориентиров в сознании мыслителя по сути была подготовлена длительными наблюдениями и размышлениями, многоаспектностью личного опыта политика и метафизика.

Концепция «новой антропологии» рождается на пересечении многообразных смыслов, ее контуры были намечены в размышлениях над острым переживанием разноплановых конфликтов, относящихся и к теоретической, и практической сфере. В этой концепции находит выражение стремление философа

²⁷ Блауберг И.И. Из истории французского спиритуализма: философия Жюль Лашелье // История философии. 2021. № 1. С. 29.

²⁸ Janicaud D. Ravaisson et la métaphysique. Une généalogie du spiritualisme français. Paris: Vrin, 1997. P. 4.

²⁹ Verdenal R. Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin // Histoire de la philosophie / Sous la dir. de F. Châtelet. T. VI. Paris: Hachette, 1999. P. 47.

возвести к единству кажущиеся несвязными, случайными феномены. Она призвана наконец объяснить и примирить давно угнетавшую его противоречивость внутреннего и внешнего опыта. Обращая взоры к высшему существу, Бيران находит следы его присутствия и в индивидуальном сознании, и в истории. Разрозненные, нередко казавшиеся прежде не вполне понятными явления складываются для него в завершенную общую картину. В ней образ Наполеона уже не приобретает новых характеристик, его черты отныне для Бирана неизменны. Место спасителя нации занимает тиран. Бонапарт – отнюдь не великодушный утешитель, а наследник якобинцев, продолжавший дело революции, которая была всего лишь бессильным, обреченным бунтом против Провидения. Его отнюдь не возвышенная роль, полагает философ, сыграна, Франция прошла через все испытания. Но гораздо важнее субъективных бирановских оценок личности императора оказывается тот факт, что размышления о ней в итоге напрямую послужили одной из причин появления особой, достаточно значимой формы французского спиритуализма.

Список литературы

- Блауберг И.И.* Из истории французского спиритуализма: философия Жюль Лашелье // История философии. 2021. № 1. С. 26–38.
- Визгин В.П.* Мен де Бيران и Габриэль Марсель // *Визгин В.П.* Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. С. 66–82.
- Визгин В.П.* Экзистенциальные мотивы в «Дневнике» Мен де Бирана // История философии. 2017. № 2. С. 44–55.
- Azouvi F.* Maine de Biran // *Encyclopédie philosophique universelle / Sous la dir. d' A. Jacob.* V. III: Les œuvres philosophiques. T. 1. Paris: PUF, 1992. P. 1948–1951.
- Bréhier E.* Histoire de la philosophie. Paris: PUF, 2004. 1790 p.
- Cousin V.* Fragments philosophiques. T. I–IV. Paris: Ladrance, 1847.
- Damiron P.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle. T. 1–2. Paris: Hachette, 1834.
- Gouhier H.* Maine de Biran par lui-même. Paris: Seuil, 1970. 227 p.
- Gouhier H.* Maine de Biran // *Dictionnaire des philosophes.* Paris: Albin Michel, 2001. P. 981–984.

- Janet P., Séailles G.* Histoire de la philosophie. Les problèmes et les écoles. Paris: Delagrave, 1921. 1082 p.
- Janicaud D.* Ravaillon et la métaphysique. Une généalogie du spiritualisme français. Paris: Vrin, 1997. 276 p.
- Maine de Biran M.F.P.* Journal intime / Publ. par A. de la Valette-Monbrun. T. I-II. Paris: Plon, 1927-1931.
- Maine de Biran M.F.P.* Journal / Publ. par H. Gouhier. T. I-III. Neuchâtel: La Baconnière, 1954-1957.
- Maine de Biran M.F.P.* Oeuvres. T. I-XIII. Paris: Vrin, 1984-2001.
- Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale. T. I-XV. Paris: Fayard, 2004-2018.
- Naville E.* Maine de Biran, sa vie et ses pensées. Paris: Joel Cherbuliez, 1857. 421 p.
- Ravaillon F.* De l'habitude. La philosophie en France au XIX siècle. Paris: Fayard, 1984. 367 p.
- Verdenal R.* Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin // Histoire de la philosophie / Sous la dir. de F. Châtelet. T. VI. Paris: Hachette, 1999. P. 37-65.
- Weber A.* Histoire de la philosophie européenne. Paris: Fischbacher, 1914. 584 p.

Maine de Biran and Napoleon: A Fragment of the Philosopher's Path to the "New Anthropology"

Artem A. Krotov

D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of Department of History and Theory of World Culture, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27/4, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: krotov@philos.msu.ru

Abstract. The paper analyses one of the episodes of the creative path of the ancestor of the 19th-century French spiritualism that was important for the final transformation of his philosophical doctrine. Undoubtedly, some theoretical problems, which did not find a convincing solution in the cognitive process model developed by de Biran, contributed to the transition from a peculiar form of voluntarism to his religious anthropology. However, along with them, among the reasons that determined the formation of

de Biran's late philosophy, are the thoughts of the deputy from Dordogne on the significance of Napoleonic politics for France and Europe. The conclusions that the philosopher comes to encourage him to adopt a very specific interpretation of the meaning of contemporary political events and to amend the general principles of the worldview he defends. De Biran places an individual's effort of will in the overarching context of religious issues. The contradictions between the two spheres, namely between external and internal life, are explained in his doctrine of the three levels of human existence.

Keywords: Maine de Biran, spiritualism, French philosophy, philosophical anthropology, metaphysics

For citation: Krotov, A.A. "Men de Biran i Napoleon: fragment puti filosafo k "novoï antropologii"" [Maine de Biran and Napoleon: A Fragment of the Philosopher's Path to the "New Anthropology"], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 25–41. (In Russian)

References

- Azouvi, F. *Maine de Biran. Encyclopédie philosophique universelle*, sous la dir. d' A. Jacob. V. III: Les oeuvres philosophiques, T. 1. Paris: PUF, 1992, pp. 1948–1951.
- Blauberg, I.I. "Iz istorii frantsuzskogo spiritualizma: filosofiya Zhyulya Lashel'e" [From the History of French Spiritualism: The Philosophy of Jules Lachelier], *Istoriya filosofii*, 2021, No. 1, pp. 26–38. (In Russian)
- Bréhier, E. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004. 1790 pp.
- Cousin, V. *Fragments philosophiques*, T. I–IV. Paris: Ladrangé, 1847.
- Damiron, P. *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle*, T. 1–2. Paris: Hachette, 1834.
- Gouhier, H. *Maine de Biran par lui-même*. Paris: Seuil, 1970. 227 pp.
- Gouhier, H. "Maine de Biran", in: *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001, pp. 981–984.
- Janet, P., Sèailles, G. *Histoire de la philosophie. Les problèmes et les écoles*. Paris: Delagrave, 1921. 1082 pp.
- Janicaud, D. *Ravaisson et la métaphysique. Une généalogie du spiritualisme français*. Paris: Vrin, 1997. 276 pp.
- Maine de Biran, M.F.P. *Journal intime*, publ. par A. de la Valette-Monbrun, T. I–II. Paris: Plon, 1927–1931.

- Maine de Biran, M.F.P. *Journal*, publ. par H. Gouhier, T. I–III. Neuchâtel: La Baconnière, 1954–1957.
- Maine de Biran, M.F.P. *Oeuvres*, t. I–XIII. Paris: Vrin, 1984–2001.
- Napoléon Bonaparte. *Correspondance générale*. T. I–XV. Paris: Fayard, 2004–2018.
- Naville, E. *Maine de Biran, sa vie et ses pensées*. Paris: Joel Cherbuliez, 1857. 421 pp.
- Ravaisson, F. *De l’habitude. La philosophie en France au XIX siècle*. Paris: Fayard, 1984. 367 pp.
- Verdenal, R. “Le spiritualisme français de Maine de Biran à Hamelin”, *Histoire de la philosophie*, sous la dir. de F. Châtelet, T. VI. Paris: Hatte, 1999, pp. 37–65.
- Vizgin, V.P. “Men de Biran i Gabriel’ Marsel” [Maine de Biran and Gabriel Marcel], *Ocherki istorii frantsuzskoi mysli* [Essays on the History of French Thought]. Moscow: IF RAN Publ., 2013, pp. 10–25. (In Russian)
- Vizgin, V.P. “Ekzistentsial’nye motivy v ‘Dnevnikе’ Men de Birana” [Existential Motives in Maine de Biran’s “Diary”], *Istoriya filosofii*, 2017, Vol. 22, No. 2, pp. 44–55. (In Russian)
- Weber, A. *Histoire de la philosophie européenne*. Paris: Fischbacher, 1914. 584 pp.